

обходимо предоставлять народу, чтобы научить его уважать философию»¹⁰.

Несомненно, Дидро видит связь религии с идеализмом, поэтому стремится показать несостоятельность идеалистической философии, подрывая тем самым и позиции религии. Идеалистами он называет тех философов, «которые, ссылаясь на то, что они обладают лишь сознанием своего существования и сменяющихся внутри них ощущений, не допускают ничего другого... Они признают бытие лишь одного существа; но это мыслящее существо и есть они сами. Так как все, что происходит в жизни, сводится к впечатлениям, то они заключают отсюда, что нет ничего, кроме них и этих впечатлений; таким образом, каждый из них есть одновременно и любовник и возлюбленная, отец и ребенок, цветочная грядка и тот, кто ее топчет»¹¹. Отрицая существование материи вне и независимо от сознания, субъективные идеалисты, по утверждению Дидро, «настолько изоцряли свой мозг метафизическими возможностями, что решительно сомневаются в существовании тел. Все, что можно сказать об этих созерцателях, сводится к тому, что благодаря своим размышлениям они утратили здравый рассудок, отрицая основную истину»¹².

В. И. Ленин высоко оценивал роль французского материализма в его борьбе с идеалистической философией. Он отмечал историческую связь материализма Маркса и Энгельса с французским материализмом XVIII века. Философский материализм Дени Дидро своим острием был направлен прежде всего против религии и церкви, которые отупляли людей, насаждали невежество, приучали человека к рабской покорности.

¹ Кузнецов В. Н. Французский материализм XVIII века.— М., 1982, с. 3.

² Дидро Д. Избранные атеистические произведения.— М., 1956, с. 170.

³ Дидро Д. Собр. соч. в 10 томах.— М.—Л., 1935, т. 1, с. 358.

⁴ Там же, с. 358, 357, 358, 359.

⁵ Там же, с. 361.

⁶ Там же, с. 362.

⁷ Там же.

⁸ Там же, с. 367—369.

⁹ Там же, с. 375.

¹⁰ Там же, с. 308, 309.

¹¹ Там же, с. 248, 181.

¹² Там же, т. 7, с. 160.

Н. А. КАНДРИЧИН

КАТЕГОРИИ «ТРАДИЦИИ» И «НОВАТОРСТВО» КАК ХАРАКТЕРИСТИКИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Одной из важнейших проблем марксистской теории культуры является задача построения динамической модели культуры, способной выразить ее в качестве реального функционирующего образования в единстве присутствующих ей основных измерений, вычленив сущностные характеристики культурно-исторического процесса.

Плодотворным подходом к решению данной проблемы представляется анализ культурно-исторического процесса через призму категорий «традиции» и «новаторство». На это обращают внимание такие исследователи культуры, как Г. П. Щедровицкий, Г. С. Кнабе, В. Е. Давидович и Ю. А. Жданов, Н. С. Злобин¹.

Проблема традиций и новаторства теснейшим образом связана с проблемой преемственности, аккумуляции и трансляции социокультурной информации. Поэтому необходимо проанализировать феномены традиций и новаторства в контексте социокультурных процессов, выявить их роль и функции, т. е. рассмотреть их на предельном уровне абстракции, как имманентные характеристики культурно-исторического процесса в целом. Исследование роли и функций данных феноменов в реальном культурно-историческом процессе предполагает их гипотетическую модель. Построить ее — задача данной статьи.

В этой перспективе целесообразно рассмотреть культурно-исторический процесс в единстве его функционирования и развития, вычленив в нем момент устойчивости, стабильности, присущий всем элементам социальной системы и момент изменчивости, прерывности, присущий социуму в целом и его отдельным подсистемам. Диалектико-материалистический

подход к анализу любой сферы общественной жизни, как известно, исходит из сложного диалектического единства данных аспектов.

В процессе коллективной жизнедеятельности людьми вырабатывались определенные навыки, способы воздействия на предметы, соответствующие конкретным ситуациям, которые закреплялись в орудиях труда и определенных социальных нормах. Возникновение и развитие общества, рассматриваемое в марксизме как естественно-исторический процесс, предстает здесь и как процесс культурно-исторический, в ходе которого накапливается социальный опыт, необходимый для осуществления и регуляции человеческой деятельности и общения. Накопленный человечеством в процессе общественно-исторической практики социальный опыт фиксируется и хранится в культуре в виде различных семиотических систем, которые «играют роль своеобразных программ деятельности людей»².

Человек — существо биосоциальное и взаимодействие биологического и социального в нем чрезвычайно сложно и многопланово. Однако в современной науке неоспорим очень важный для понимания соотношения социального и биологического факт: навыки и итоги общественно-трудовой деятельности, уровень духовного развития не являются субъектом биологической эволюции. Социальный опыт не передается биологическими средствами. «Уникальность вида *Homo sapiens* обусловлена тем, что в отличие от животных этот вид наряду с генетической программой имеет благодаря сознанию вторую программу, определяющую его развитие в каждом последующем поколении. Эту вторую программу можно назвать программой социального наследования»³. Таким образом, культура не становится субъектом биологической эволюции. Между тем потребности воспроизводства человеческой деятельности диктуют необходимость как аккумуляции программ деятельности, так и трансляции их в пределах одного поколения и от поколения к поколению, поскольку без этого невозможны осуществление и регуляция деятельности. Вследствие этого возникает потребность в носителе социокультурной информации, механизме аккумуляции и трансляции опыта.

Данный механизм кроме функции отбора из всей сокровищницы накопленного опыта наиболее продуктивных приемов воздействия на предметы осуществляет стереотипизацию, т. е. обеспечивает принятие их определенным коллективом, посредством придания этим приемам нормативного характера и доступной формы. И наконец, он призван осуществлять трансляцию закрепленных в культуре программ деятельности.

Потребности воспроизводства и регуляции деятельности ассоциированных индивидов приводят к формированию универсального компонента культуры, который обеспечивает не только постоянное накопление и пополнение социальной информации, но и трансляцию ее, внедрение в сознание индивидов. Таким механизмом является культурная традиция. От механизмов биологического наследования она коренным образом отличается прежде всего своей социальной природой. «Культурная традиция есть специфический для общества селективный стабилизирующий, гомеостатический механизм, который благодаря стереотипизации социально организованного опыта и его пространственно-временной трансмиссии воспроизводит прошедший испытание способ человеческого существования»⁴.

Специфическими чертами культурной традиции являются: социальная природа (надбиологичность), наиндивидуальность, устойчивость, нормативность, универсальность. Действие механизма традиции обеспечивает включение субъектов в опробованные на практике формы деятельности, регулирование этой деятельности, а следовательно — обеспечивает преемственность в развитии культуры, целостность и глубокую внутреннюю связь между различными ее слоями и типами. Следовательно, категория «культурная традиция» характеризует культурно-исторический процесс со стороны его устойчивости, непрерывности, отражая определенную качественную ступень бытия культуры.

Однако видение культурно-исторического процесса только через призму содержания категории «культурная традиция», принятие функции стабилизации в качестве определяющей характеристики культуры отражает лишь момент воспроизводства деятельности, ее продолжения по заданным основаниям. Если на этом остановиться, то вся культура предстанет как монотонный процесс воспроизведения наличных форм, деятельность человека получит одностороннюю характеристику, абсолютизирующую ее репродуктивный аспект, да и сам факт возникновения традиций, как и любо-

го другого феномена культуры, не получит удовлетворительного объяснения.

Необходимо учитывать, что программы деятельности, которые транслируются в механизме традиции, не являются универсальными. «История — есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой — видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности»⁵.

Информационные программы деятельности жестко коррелируются с объектом, на который направлена деятельность и с условиями, в которых она осуществляется. В процессе жизнедеятельности общества все новые объекты вовлекаются в орбиту предметно-практической деятельности людей, изменяются также условия существования общества. Сложившиеся на определенном этапе функционирования общества традиции ограничены рамками прошлой предметно-практической деятельности. Но эти границы программы деятельности исчерпывают продуктивные возможности, перестают обеспечивать осуществление и регуляцию жизнедеятельности социальной системы. Тогда потребность самоподдержания социальной организации с неизбежностью выдвигает на первый план продуктивный, созидательный аспект культуры, который находит свое воплощение в новаторской деятельности⁶.

Потребность в новаторстве возникает тогда, когда невозможно решить возникшую задачу наличными средствами. Его суть заключается в выработке таких средств, способов деятельности, которые позволили бы адаптироваться к непредвиденной традицией ситуации, освоить те объекты, способы оперирования с которыми отсутствуют в фонде культурной традиции. Результат новаторской деятельности существует вначале как единичный прием действия в конкретном объектом. Впоследствии он обобщается и фиксируется в виде информационной модели, несущей информацию о «технологии» деятельности с данным классом объектов. Новаторство обеспечивает модификацию традиционных, либо создание оригинальных программ деятельности. Главным, определяющим признаком новаторства является, вероятно, преодоление сложившихся стереотипизированных программ и создание оригинальных культурных форм в процессе как индивидуального, так и коллективного творчества.

Новаторство можно определить как категорию, отражающую специфический вид человеческой деятельности, обеспечивающей адаптацию к непредвиденным традицией ситуациям путем модификации традиционных или создания оригинальных социокультурных программ, призванных регулировать и целенаправлять общественную практику в принципиально новом направлении. История науки свидетельствует, что одним из факторов прогресса в данной области является возникновение новых методов исследования. В частности, создание и применение Галилеем экспериментального метода позволило преодолеть спекулятивно-схоластическую традицию, что открыло простор для развития естествознания.

Таким образом, категория «новаторство» характеризует культурно-исторический процесс с точки зрения его изменчивости, прерывности, развития. В содержании данной категории четко выражается динамика культуры, подчеркивается ее продуктивный, творческий аспект. Однако следует иметь в виду, что диалектическое понимание развития несовместимо с абсолютизацией отдельных сторон, аспектов этого процесса. Поэтому культурно-исторический процесс нельзя сводить ни к монотонному следованию стереотипу, ни к совокупности непрерывных изменений. Момент устойчивости, стереотипности и момент изменчивости, креативности культуры находятся в диалектическом единстве.

Традиции, с одной стороны, противоречат новаторству, так как стереотип всегда подчиняет поведение субъекта определенным нормативам, стандартизирует его. Однако в традиции закрепляются не только стереотипизированные программы, выполняющие временную нормативно-регулятивную функцию, но и эталоны творчества, призванные «программировать деятельность в качественно новом прогрессивном направлении с долгосрочной исторической перспективой»⁷. И если стереотипизированные программы неизбежно исчерпывают свои продуктивные возможности, порождая тем самым необходимость собственной модификации или уничтожения и выработки качественно новых программ деятельности, то эталоны творче-

ства сохраняются в памяти человечества на протяжении всей его истории⁸. Обеспечивая трансляцию и включение субъектов в исторически сложившиеся формы деятельности, традиция тем самым создает предпосылки для новаторства, так как без овладения опытом предметно-практического и духовного освоения мира невозможна никакая деятельность, в том числе и новаторская. Осуществляя отбор социокультурных программ и их трансляцию, традиции тем самым во многом задают общую направленность предметно-практического и духовного освоения мира, а значит, и общественного прогресса.

Кроме того, результаты новаторской деятельности не сразу становятся общедоступными и общезначимыми. Они становятся элементами культуры только посредством традиции. Истории известны примеры, когда новизна и оригинальность не принимались и не оказывали существенного влияния на общество и культуру. «Описанный Филоном Александрийским способ использования механической силы пара (первый «паровой котел») применялся в механических игрушках и служил в Древней Греции лишь средством развлечения. Только спустя много столетий изобретение Папена превратило открытие механической силы пара в важнейший фактор культуры»⁹. Можно привести множество аналогичных примеров. И наоборот, благодаря народной традиции не имевший письменности киргизский народ создал и донес до наших дней одно из крупнейших в мире произведений устной поэзии — знаменитый эпос «Манас», который вошел в сокровищницу мировой культуры.

Следовательно, результат новаторской деятельности становится феноменом культуры, только превращаясь в свою противоположность — традицию. Это непрерывное превращение новаций в традиции, модификация заключенных в традиции программ деятельности и обеспечивает оптимальное протекание культурно-исторического процесса. В реальном культурно-историческом процессе имеют место также острые столкновения традиций и новаций. Устаревшие, исторически бесперспективные традиции, лишившиеся реальной почвы в развивающемся социуме, но искусственно сохраняемые общественными силами, нисходящими с исторической арены, или инертностью общественного сознания превращаются в консервативную и даже реакционную силу. Таковы, например, религиозные и националистические традиции, превратившиеся в предрассудки. Однако не только религиозные и идеологические, но и научные традиции могут превратиться в консервативную силу, будучи догматизированы. Например, традиционный взгляд естествоиспытателей XVIII века на мир как неизменный, от века данный, помешал даже выдающимся ученым того времени осознать противоречие такого видения мира с данными специальных наук, позволявшими сделать эволюционистские выводы. Известны также попытки под флагом новаторства гальванизировать старые реакционные взгляды и представления, возродить изжившие себя традиции. Такого рода «псевдоноваторство» особенно характерно для большинства школ современной буржуазной философии (эмпириокритицизм Маха и Авенарнуса, к примеру).

Итак, в рамках культурно-исторического процесса роль и функции традиций и новаторства определяются конкретно-историческими условиями функционирования общества. Факторы, обуславливающие новаторски-творческую ориентацию культуры, не отменяют действие культурной традиции, хотя и существенным образом изменяют характер ее функционирования. Это выражается в сокращении временных интервалов действия отдельных традиций, усложнении системы зафиксированных в них программ деятельности, изменении сферы регулируемых данным механизмом явлений. Сама новаторская деятельность превращается в настоящее время в доминирующую традицию общества, строящего коммунизм.

Категории «традиции» и «новаторство», отражая два противоположных аспекта органически целостного образования, которым является культура, позволяют представить бытие культуры как целостный культурно-исторический процесс, характеризуя его с точки зрения функционирования и развития.

¹ См.: Шедровицкий Г. П. О методе семиотического исследования знаковых систем. — В сб.: Семиотика и восточные языки. М., 1967; Кнабе Г. С. Понимание культуры в Древнем Риме и ранний Тацит. — В сб.: История философии и вопросы культуры. М., 1975; Давидович В. Е., Жданов Ю. А. Сущность культуры. — Ростов-на-Дону, 1979; Злобина Н. С. Культура и общественный прогресс. — М., 1980.

² Степин В. С. Социальная детерминация научного познания.— В тез. лекций: Диалектический материализм как методология естественных наук. Минск, 1972, с. 17.

³ Дубинин В. П. Философские и социологические аспекты генетики человека.— Вопросы философии, 1971, № 1, с. 36.

⁴ Маркарян Э. С. Интегративные тенденции во взаимодействии общественных и естественных наук.— Ереван, 1977, с. 194.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 44—45.

⁶ См.: Шедровицкий Г. П. Указ. работа.

⁷ Ширшов И. Е. Динамика культуры.— Минск, 1980, с. 22.

⁸ Там же, с. 22.

⁹ Злобин Н. С. Указ. работа, с. 36.

П. С. КАРАКО

ВЗАИМОСВЯЗЬ БИОЛОГИИ И ПРАВА В ВОПРОСАХ ОХРАНЫ ЖИВОЙ ПРИРОДЫ

В эпоху современной научно-технической революции все большую актуальность приобретает проблема охраны растительного и животного мира. Это проблема комплексная. Она не может решаться без учета данных биологической науки, промышленной технологии, экономики и других научных дисциплин естественного, технического и гуманитарного профиля. При этом все большую очевидность обнаруживает и тот факт, что в решении данной проблемы важная роль принадлежит праву. В комплексном подходе к решению задач охраны живой природы ее правовые аспекты составляют основу, на которой должна строиться вся система природоохранных мероприятий. Вот почему многие биологи нашей страны эффективность мер по охране флоры и фауны связывают с совершенствованием ее правовой основы¹. Организация мероприятий по охране живой природы должна строиться с учетом взаимосвязи биологии и права.

Специфической особенностью правовых мер охраны природы является то, что их осуществление связано с задачами формирования правового сознания людей, уровнем его развития. Для осуществления правовой охраны природы государство в лице своих органов издает общеобязательные правила поведения (правовые нормы), в которых отражено отношение человека к природным объектам. Правовые методы охраны природы своим предметом имеют не сами объекты природы, не окружающую природную среду, а «социалистические общественные отношения, возникающие и изменяющиеся в процессе реализации природообразовательной программы социалистического государства»². При помощи правовых методов государство оказывает воздействие на поступки и поведение членов общества по отношению к объектам природы.

Эти особенности правовой охраны природы выражаются самим содержанием природоохранительных законов. Так, в ст. 1 Закона об охране и использовании животного мира подчеркивается, что «задачами советского законодательства об охране и использовании животного мира являются регулирование общественных отношений в области охраны и использования диких животных в целях обеспечения условий их существования в состоянии естественной свободы, сохранения целостности естественных сообществ и рационального использования, а также укрепление законности в этой области»³.

Существенной стороной правовой охраны природы является и то, что она строится в соответствии с экологическими требованиями. Последние вытекают из объективных законов природы. «Совокупность таких требований составляет экологическую сущность права»⁴. Экологические требования определяют и соответствующие варианты поведения человека в природной среде. Марксистско-ленинская концепция взаимодействия общества и природы обращает внимание на необходимость соответствия поведения человека законам природы. «...Необходимость природы есть первичное, а воля и сознание человека — вторичное. Последние должны, неизбежно и необходимо должны, приспособляться к первой...»⁵

Поведение людей, согласованное с экологическими требованиями, можно считать как экологически правильное. Такое поведение обеспечивает право. «Провозглашая обязательные юридические принципы и предписания, возлагая определенные обязанности и предоставляя субъектам соответствующие права и полномочия, устанавливая запреты и дозволения, оно (право — П. К.) способно создать и создает такой режим всех видов чело-